

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Проценко Антона Сергеевича

«Погребальный обряд кара-абызской культуры как отражение социальной структуры оседлого населения Южного Приуралья»,

представленную на соискание ученой степени

кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 Археология

Любые социальные интерпретации по археологическим данным специалистами оцениваются как сугубо гипотетические или даже умозрительные – слишком много переменных и слишком неравномерна источниковая база, на которых эти построения делаются. Однако, данная работа является необходимым звеном научных исследований, тем более, в случаях, когда размер источниковой базы по той или иной культуре или эпохе становится уже значительным и требуется ее систематизация. В полной мере это относится и к оппонируемой диссертации.

Южное Приуралье для Восточной Европы – регион очень своеобразный (как и в целом Южный Урал – для Евро-Азиатского пограничья). Благодаря меридиональному простираению Уральских гор и его пересечению зон тайги, лесов, лесостепи и степи, на прилегающих территориях формируется своеобразная «зональная асимметрия», приводящая к значительному смещению ландшафтных зон и их «спрессованности» по мере приближения к горам. Эти сугубо физико-географические данные необходимы для понимания своеобразия кара-абызской культуры – образования, возникшего на пост-ананьинской основе и расположенного в узкой полосе между пьяноборским ареалом с севера, миром кочевников – с юга и юго-запада и огромной слабозаселенной ресурсной горно-лесной зоной – с востока. Такое положение кара-абызской культуры привело к значительной «автаркичности» социума, сильным внутренним связям и только лишь общекультурным связям с окружающим населением, в первую очередь – с кочевниками. Это превращает древности кара-абызской культуры в высокоинформативный источник как по изучению материальной культуры и погребального обряда, так и в качестве модели по изучению социальной структуры.

Необходимо констатировать, что информационные возможности уже имеющейся источниковой базы по кара-абызской культуре (а это, как отмечает А.С. Проценко в диссертационном исследовании – 700 погребений) раскрыты далеко не полностью, в т.ч., наряду с многими другими аналитическими направлениями, практически полностью отсутствовали и

какие-либо социологические реконструкции. Именно этим и определяется *актуальность* выбранной А.С. Проценко для диссертационного исследования темы.

Структура работы логична, она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных архивных источников (11 научных отчетов, 29 иных архивных документов, 9 диссертационных исследований) и литературы (185 наименований), табличных приложений (9) и иллюстраций (63). Общий объем диссертационного исследования составляет 281 страницу, в т.ч. текст (введение, 3 главы, заключение) – 162 страницы.

Во *Введении* А.С. Проценко показывает актуальность темы, определяет объем источниковой базы (упомянутые выше 700 погребений), хронологию и территориальные рамки диссертационного исследования, а также делает обзор различных схем социальной реконструкции, существующих для Волго-Уральского региона, констатируя при этом, что все они, в основном, относятся к эпохе средневековья.

Глава 1 диссертационного исследования посвящена анализу накопления данных по кара-абызской культуре – «Накопление эмпирических данных по погребальному обряду кара-абызской культуры и их первичная интерпретация». Диссертант в двух параграфах детально разбирает «начальный» и «современный» этапы накопления данных и различных интерпретаций исследователями полученных материалов. Несомненной заслугой А.С. Проценко является скрупулезный анализ проводившихся работ, сделанный в значительной степени с опорой на неопубликованные архивные документы. Стоит только отметить два момента.

1) Начальный этап накопления эмпирических данных А.С. Проценко доводит до конца 1980-х гг., что вряд ли можно назвать верным. Тем более, что сам диссертант на с. 24 прямо говорит, что выход в 1952 г. двух монографий – А.П. Смирнова и А.В. Збруевой по сути и были окончанием начального этапа накопления и анализа всех имеющихся данных. В реальности, начало 1950-х – конец 1980-х гг. являются следующим этапом со своей внутренней логикой, целями и решаемыми задачами. И именно этот период, с которым и связано практически все накопление источниковой базы, используемой в диссертационном исследовании, детально и очень глубоко проработан и показан А.С. Проценко (с. 24–47).

2) На с. 45–46 диссертант приводит данные по монографии В.Ф. Генинга /Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988/, в которой детально разбираются материалы Охлебининского и Шиповского (грунтовой части) могильников и постулируется разделение единого кара-абызского

массива на две культуры – собственно кара-абызскую и гафурийско-убаларскую. Несмотря на то, что данные выводы не были поддержаны большинством исследователей, сам подход В.Ф. Генинга являлся новаторским и заключался в выделении статистическими методами АЭТ (археолого-этнических типов). Глубокий анализ данной работы пошел бы только на пользу диссертанту и, возможно, помог бы выработать дополнительные методы для намеченного социального анализа.

Глава 2 «Описательная статистика погребального обряда кара-абызской культуры» (с. 72–112) разделена на два параграфа – «Формирование списка признаков. Суммарная характеристика погребального обряда» и «Сравнительный анализ половозрастных групп». В первом параграфе диссертант обосновывает использование только 5 из известных 9 могильников кара-абызской культуры для статистического анализа и формирует выборку из 700 погребений, а также выделяет 89 представительных признаков (приложение 1 таблица 1) по 13 блокам, которые далее им и анализируются (с. 82–96). Необходимо отметить скрупулезность проведенной работы и адекватность подбора признаков для целей проводимого исследования. Хотелось бы обратить внимание только на один момент, который не является для рассматриваемой темы принципиальным, но его учет важен для дальнейших исследований. Это концепция т.н. «речной ориентировки» умерших, впервые высказанная применительно к кара-абызской культуре в 1968 г. А.Х. Пшеничнюком, но изначально сформулированная А.Х. Халиковым при анализе погребального обряда ананьинской культуры. А.С. Проценко, поддерживая эту идею, прямо говорит, что 70,4 % погребений не удастся соотнести с ориентировкой на «речной бассейн» и, проводя распределение по ориентировке умерших головой по сторонам света, не акцентирует внимания на том, что ориентировка в западный сектор дает 65 % от всех умерших. Последний показатель не может быть случайностью, т.к. это 2/3 от всей используемой в диссертационном исследовании выборки. Данную ситуацию я рассматриваю исключительно как следование выводам предшественников, которые далеко не всегда были проверены и часто являлись частностями, возведенными в ранг закономерностей, т.е. тем, что в науке часто называется «историографическими штампами». Очень надеюсь, что в дальнейшем диссертант специально разберет вопрос ориентировки погребенных кара-абызской культуры, что позволит совсем иначе взглянуть на закономерности их погребального обряда.

Второй параграф, посвященный сравнительному анализу половозрастных групп (с. 97–112), является принципиально важной частью

рассматриваемого диссертационного исследования. Здесь А.С. Проценко показал возможности половых определений для 717 костяков (из 700 погребений) из которых профессионально антропологами пол определен только для 29, т.е. всего 4,04 % от всей выборки. Сначала автором исследований было сделано разделение на группы (мужчина-женщина-ребенок) для погребений, где пол был определен по инвентарю, потом эти данные сравнены с погребениями, где пол определен антропологами. Это позволило сформировать набор признаков (исходя из упоминавшихся выше 89 альтернативных признаков), характерных для каждой групп, и использовать этот набор для оставшихся 48,4 % погребенных, пол которых не был определен ни археологами, ни антропологами. Определение характерного набора признаков проводилось на основе проверенной временем формулы коэффициента формально-типологического сходства (Сз). Этот шаг позволил диссертанту перейти от предположений к четко установленным статистическими методами фактам. Проведенное распределение показало, что мужские, женские и детские погребения практически полярны по своим локальным и частным признакам, т.е. для каждой половозрастной группы характерен свой обряд захоронения.

Глава 3 «Социальная структура кара-абызского общества по данным археологии» (с. 113–156) также разделена на два параграфа – «Корреляционный и кластерный анализ погребений кара-абызской культуры» (с. 113–133) и «Социальная структура кара-абызского общества» (с. 133–156).

Начиная *первый параграф*, А.С. Проценко кратко обращается к истории анализа социальной структуры древних обществ, акцентируя внимание на работах постсоветского времени. Корреляционный анализ, по сути, подтвердил выводы автора о жесткой взаимосвязи половозрастных характеристик и определенного набора инвентаря, сделанные в предыдущей главе. Важным дополнением, полученным на этом уровне анализа, стало выделение рангов связей и определение, что мужской и женский комплексы имеют максимальную наглядность и полноту на уровне умеренных связей. Это, с одной стороны, свидетельствует о вариабельности погребального инвентаря, а с другой, – о том, что эта вариабельность существовала в пределах достаточно жестких правил, т.е. устойчивой традиции. Высокие же и заметные силы связей позволили выявить только ядро воинского комплекта инвентаря, а также зафиксировать ряд других общекультурных закономерностей. Выделенные далее 6 кластеров в целом характеризуют сделанное ранее половозрастное распределение, но не позволили увидеть искомую модель социальной структуры, что позволило диссертанту говорить

о том, что кластерный анализ (во всяком случае, тот метод, который был применен автором) более направлен на выявление гендерных, возрастных и локальных различий.

Второй параграф посвящен собственно выделению социальной структуры общества кара-абызской культуры, который строился на *количественно-качественном* анализе сопровождающего инвентаря. Важно, что диссертант не попытался формализовать данные по всей используемой источниковой базе, а рассматривал отдельные могильники в их хронологической последовательности. Это позволило увидеть как различия между могильниками, так и эволюцию этих различий во времени. Взяв за основу описания 5 социальных страт («очень богатые», «богатые», «рядовые», «бедные», «беднейшие»), первоначально предложенных в 1970 г. В.Ф. Генингом для пьяноборского могильника Чеганда II, А.С. Проценко показал, что они по разному проявляются в том или ином могильнике, что позволило ему в ходе работы генерализовать их в 3 основные страты и говорить о «трехсословности» кара-абызского общества.

Фактически, можно говорить о том, что диссертант на новом материале и новыми методами подтвердил выводы (в значительной степени – описательные) более чем 50-летней давности, сделанные для более северного, но родственного населения примерно того же времени.

В *Заключении* А.С. Проценко подводит итоги проведенной работы и детализирует основные 6 положений, выносимых на защиту.

Обращаясь к диссертационному исследованию в целом, необходимо отметить *высокую обоснованность выводов, их достоверность и проверяемость*, а также *новизну*, опирающуюся, конечно же, на выводы предшественников и, поэтому, не свободную от некоторых «общих мест», ставших распространенными в урало-поволжской археологии. Последнее, конечно же, не умаляет личного вклада диссертанта, показавшего умение работать с разнородным археологическим материалом. Представленная в качестве диссертационной работа имеет высокую ценность для теории и практики археологических исследований и эта значимость выходит далеко за пределы только анализа социальной структуры. Конечно, многие положения работы будут рассматриваться коллегами критически, в т.ч. и в связи, возможно, с недостаточной глубиной раскрытия некоторых применяемых методов (напр., количественно-качественного анализа), но в целом это нисколько не умаляет ценности самого исследования.

Также необходимо отметить высокую степень опубликованности результатов оппонируемого диссертационного исследования в научной

печати (6 статей в журналах из списка ВАК и 14 статей в иных изданиях, в т.ч. материалах конференций).

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Выносимая на защиту диссертация соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней.

Соискатель достоин присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 «Археология».

Официальный оппонент

Савельев Никита Сергеевич

Кандидат исторических наук (специальность 07.00.06 – Археология), доцент

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИИЯЛ УФИЦ РАН), отдел археологических исследований, ведущий научный сотрудник

450054, Россия, Уфа, проспект Октября, 71, рабочий телефон 8(347)235-60-50

Адрес электронной почты: sns_1971@mail.ru

Подпись

Савельев Н.С.

заверяю

Зав. канцелярией ИИЯЛ УФИЦ РАН

Дата

23.08.22г.

Байбура А.Т.

